

Как судебная медицина помогает обеспечивать достойное обращение с телами погибших и разыскивать пропавших без вести: беседа с доктором Моррисом Тидболл-Бинзом

Менеджером по судебно-медицинским вопросам проекта по пропавшим без вести, МККК*

Доктор Моррис Тидболл-Бинз — судебно-медицинский эксперт. Он работает в Международном Комитете Красного Креста (МККК) с 2004 года, помогая организации развивать ее инновационный потенциал в обла-

* Доктор Моррис Тидболл-Бинз посвятил свое интервью памяти Марии Исабель Чоробик де Мариани — основательнице и первому президенту организации «Бабушки площади Мая», скончавшейся 20 августа 2018 года в возрасте 94 лет. Она всегда смотрела в будущее, понимала ценность судебной медицины для розыска пропавших без вести и содействовала первым в мире поискам такого рода.

Это интервью взяли в Женеве 16 января 2018 года Эллен Поличински, ответственный редактор Журнала, и Йован Кузманович, его тематический редактор.

сти судебно-медицинской деятельности. Начал свою карьеру на родине в Южной Америке с работы в судебно-медицинских и правозащитных организациях, положив начало применению методов судебной медицины в расследовании случаев нарушений прав человека и особенно для розыска пропавших без вести. Помог создать в МККК отдел судебной медицины и до начала 2017 года был его первым руководителем, после чего руководил судебно-медицинской работой в рамках «Плана гуманитарного проекта». В настоящий момент руководит судебно-медицинской работой в новом проекте МККК по пропавшим без вести. В интервью Журналу он делится взглядами на развитие судебной медицины в гуманитарном секторе и о ее роли в защите останков умерших, а также в выяснении участи пропавших без вести.

Ключевые слова: пропавшие без вести, Фолклендские/Мальвинские острова**, судебная медицина, погибшие, обращение с останками погибших, ППП.

⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮

Концепция «гуманитарной судебно-медицинской деятельности» была разработана Международным Комитетом Красного Креста (МККК), она относится к применению методов судебной медицины для удовлетворения потребностей жертв вооруженных конфликтов и других катастроф в гуманитарных, а не правоохранных целях¹. Судебно-медицинские службы МККК предоставляют консультации, поддержку и обучение местным властям и судебно-медицинским экспертам-практикам, связанные с розыском, эксгумацией, изучением, опознанием и обращением с останками тех, кто погиб в результате вооруженных конфликтов, различных бедствий и катастроф и миграции, а также помогают наращивать местный потенциал судебно-медицинской деятельности. В определенных обстоятельствах они также могут самостоятельно эксгумировать и опознавать останки, если на местах отсутствуют необходимые специалисты. Их задача заключается в обеспечении должного и достойного обращения с останками, предотвращении и расследовании исчезновений, предоставлении ответов на вопросы скорбящих родственников, чтобы помочь им осуществить свое право на информацию о судьбе и местонахождении близких.

Когда люди погибают в результате вооруженного конфликта, бедствия, катастрофы или во время миграции, с их останками необходимо обращаться с уважением, не попирая достоинства погибших. Останки необходимо найти, эксгумировать и опознать. Такие судебно-медицинские науки, как антропология, археология, патологоанатомия, дактилоскопия,

** Термин «Фолклендские/Мальвинские острова» не подразумевает одобрения или выражения какого-либо мнения по поводу правового статуса данной территории или определения ее границ. Оба названия используются вместе в порядке латинского алфавита.

1 См.: Stephen Cordner and Morris Tidball-Binz, “Humanitarian Forensic Action — Its Origins and Future”, *Forensic Science International*, Vol. 279, 2017.

стоматология и генетика, включая анализ ДНК, могут помочь обеспечить профессиональное и достойное обращение с останками и их документальное сопровождение, дать объективные ответы о личности и участии как живых, так и погибших людей, пропавших без вести.

Со временем значительно выросли как опыт, так и влияние МККК в области судебной медицины. Действительно, МККК является единственной организацией, которая предлагает судебно-медицинскую помощь исключительно в гуманитарных целях. Несмотря на это, применение судебно-медицинских наук в гуманитарной работе, в том числе и при выяснении участи пропавших без вести, явление пока еще относительно новое, и его развитие еще сталкивается с рядом серьезных трудностей. Во время или сразу же после конфликта розыск пропавших без вести становится одной из многих неотложных задач, но редко оказывается в числе приоритетных. Судебно-медицинские мероприятия требуют привлечения финансовых и человеческих ресурсов, которые не всегда имеются непосредственно после конфликтов или других бедствий. Кроме того, судебно-медицинские мероприятия в гуманитарных целях могут быть рискованными для их участников, включая медицинских работников. Им могут угрожать, на них могут нападать, их могут подстерегать и другие опасности, например, неразорвавшиеся боеприпасы. Все это требует адаптации и развития знаний в области судебной медицины, а также навыков, процедур и инструментов, необходимых, чтобы преодолевать исключительные трудности, присущие гуманитарной деятельности.

Расскажите немного о себе. Как вы пришли в судебную медицину?

Это было в значительной мере делом случая. Произошло это в 1984 году, когда я еще был студентом-медиком. В то время я жил и учился в аргентинском городе Ла-Плата, где познакомился с членами иностранной делегации судебно-медицинских экспертов. В том году они приехали в страну, чтобы помочь найти ответы на вопросы родственников людей, пропавших без вести. Эти люди задавали экспертам два основных вопроса. Первый касался возможности установления личности ребенка, похищенного в раннем возрасте, чьи родители впоследствии стали жертвами насильственного исчезновения. Второй касался возможности эксгумации и опознания скелетированных останков большого числа людей, которые были предположительно убиты и похоронены в тайных могилах. После прихода к власти в декабре 1983 года новоизбранного демократического правительства, в Аргентину приехала делегация судебно-медицинских экспертов, которую пригласили родственники жертв, чтобы помочь найти ответы на эти вопросы. Другими словами, именно среди родственников людей, пропавших без вести, возник этот план и зародилась подобная инициатива, которая породила новаторские подходы к судебной медицине.

Этих иностранных судебно-медицинских экспертов пригласили родственники пропавших без вести, потому что они не доверяли существующим судебно-медицинским структурам. В самом деле, многих членов судебно-медицинского сообщества Аргентины подозревали в причастности к государственной машине исчезновений, что в ряде случаев было доказано позднее, например, они подписывали фальшивые свидетельства о смерти казненных, где утверждалось, что те погибли в результате несчастного случая или по неустановленным причинам. Понятно, что родственники очень не доверяли руководству судебно-медицинской службы Аргентины, но доверяли иностранным специалистам, которых они и призвали на помощь. Меня как студента-медика позвали помочь приехавшей делегации экспертов, потому что мне доверяли родственники, я знал медицинскую терминологию и обладал нужными медицинскими навыками. А еще я говорил по-английски и оказался полезным как переводчик. Мне поручили собрать команду студентов-антропологов и археологов, которым можно было доверять и которые хотели помочь в этой работе, ставшей первой в истории Аргентины независимой судебно-медицинской экспертизой в связи с нарушениями прав человека. И, хотя я ещё учился и работал на нескольких работах, я согласился, потому что хотел заниматься правозащитной деятельностью. До этого я несколько лет участвовал в нарождающемся тогда правозащитном движении, в том числе помогал родственникам пропавших без вести находить ответы на свои вопросы.

Я не был прирожденным судебно-медицинским экспертом. В то время я достаточно успешно изучал медицину и хотел специализироваться в области общественного здравоохранения и семейной медицины, чтобы работать в сельской местности. Мне даже в голову не могло прийти, что я посвящу свою профессиональную карьеру судебно-медицинской экспертизе, которая в то время была еще на вторых ролях в медицине в целом. Однако, когда я познакомился с этими замечательными судмедэкспертами и помог им провести первую в своем роде судебно-медицинскую экспертизу в стране, эта специальность меня увлекла. После этого мы с некоторыми коллегами, которых я призвал на помощь, продолжили эту работу уже добровольцами и сформировали команду, которая стала заниматься только этой новаторской судебно-медицинской деятельностью. В то время никому из нас и в голову не пришло бы брать плату за любую работу подобного рода. Мы занимались этим помимо нашей обычной работы и учебы, поэтому нам приходилось работать по выходным и в праздники, чтобы удовлетворить огромную потребность в независимой судебно-медицинской экспертизе.

В самом начале нас пригласила заниматься этим одна из первых в мире комиссий по установлению истины — Национальная комиссия по делам исчезнувших лиц в Аргентине. Создана она была в связи с обращениями людей, стремившихся выяснить местонахождение и участь своих исчезнувших близких.

К тому времени вопрос о том, как разыскивать пропавших без вести, уже долго стоял на повестке дня. У нас, правозащитников, не было на него ответов, но мы подозревали, что некоторых жертв исчезновений похоронили в безымянных могилах на обычных кладбищах. Было трудно и почти что невозможно что-то с этим сделать, поскольку в то время режим жестко подавил бы любые действия такого рода.

Ко времени приезда в Аргентину делегации иностранных судмедэкспертов с научной точки зрения все было готово к работе, которая впоследствии стала первым случаем применения методов судебно-медицинской экспертизы в рамках подобной деятельности. Тогда же некоторые органы власти приняли решение провести массовые и поспешные раскопки на кладбищах, чтобы найти останки жертв исчезновений. Все это привело к уничтожению останков и вещественных доказательств, серьезно травмировало родственников жертв, привлекло значительное внимание СМИ и было прозвано «аттракционом ужасов»². В самом деле, огромное количество скелетированных останков выкапывали бульдозерами, без малейшего уважения к умершим, публично уничтожая останки, которые из-за этого уже никогда не будут опознаны. Это стало оскорблением и памяти погибших, и их родственников, и общества в целом. Возникла срочная необходимость положить этому конец, и зазвучали призывы использовать профессиональные научные методы расследования. Важно отметить, что в то время судебная антропология была еще очень эксклюзивной дисциплиной, она была мало кому известна за пределами научных кругов США и нескольких других развитых стран. Никому и в голову не приходило, что ее можно использовать в этих расследованиях, имевших такой массовый характер. Это было задолго до появления телесериалов, показывающих работу судебно-медицинских экспертов на месте преступления, благодаря которым судебно-медицинская экспертиза стала восприниматься как нечто модное и интересное.

Тогда же ко мне обратилась за помощью НПО «Бабушки площади Мая», созданная в 1977 году. Создана она была для того, чтобы найти исчезнувших внуков ее участниц³. Они принадлежали к той группе семей, которая и пригласила иностранных судебно-медицинских экспертов, руководствуясь блестящей и поистине новаторской идеей использовать тесты, позволяющие установить, принадлежат ли останки внукам людей, предоставивших образцы генетического материала. Для этого понадобилось видоизменить стандартный для криминалистики тест на отцовство, при помощи которого суды устанавливают, существует ли биологическая связь между ребенком и его предполагаемым отцом так, чтобы можно было сравнивать образцы крови бабушек и дедушек с образцами крови ребенка, кото-

2 См.: Cora Gamarnik, "Imágenes de la post-dictadura Argentina", *Artelegie*, No. 7, 2015, доступно по ссылке: <https://journals.openedition.org/artelogie/1072> (Все ссылки проверены в мае 2018 года.).

3 Подробнее о «Бабушках площади Мая» см.: Interview with Estela Barnes de Carlotto, *International Review of the Red Cross*, Vol. 99, No. 905, August 2017. Также см.: <https://abuelas.org.ar/idiomas/english/history.htm>.

рый, как они предполагали, был их родственником. В то время в судебной медицине еще не применялся анализ ДНК, не было прецедентов его использования в судебной практике, и первые ученые, к которым «Бабушки» обратились с этой, на первый взгляд, безумной идеей, не захотели иметь с ними дела. Однако нашлись и другие эксперты, которые увидели ее достоинства, провели необходимые исследования и постепенно начали разрабатывать этот новаторский метод⁴. Они пригласили меня в свою формирующуюся команду судебно-медицинских экспертов, которая впоследствии, в 1987 году, создала первый в мире национальный банк данных ДНК для опознания пропавших без вести⁵.

Этот революционный метод использования образцов ДНК дедушек и (или) бабушек в судебной практике был впервые успешно применен в 1984 году в Аргентине: с его помощью удалось установить личность пропавшей без вести девочки и вернуть ее в родную семью, бабушке и дедушке, через много лет после того, как ее родители подверглись насильственному исчезновению. Она была похищена еще совсем маленькой, вместе с родителями. Потом ее забрал один из членов эскадрона смерти, ответственный за последующее исчезновение и убийство ее родителей. Прошли годы, и «Бабушки» нашли ее и установили ее личность через суд. Позже эта девочка решила изучать биологию, стала генетиком и теперь работает с «Бабушками», помогая опознавать других детей, ставших жертвами исчезновений. «Бабушки» считались и до сих пор считаются организацией необыкновенных женщин. Работать с ними для меня было большой удачей и большой честью. Как я уже говорил, по-моему, именно благодаря им было положено начало развитию гуманитарной судебно-медицинской деятельности.

В то время, когда я работал с «Бабушками», я со своей первоначальной командой друзей и коллег продолжал участвовать в расследовании случаев исчезновений с применением методов судебной антропологии и археологии, а в 1987 году все вместе мы официально учредили самую первую неправительственную организацию, которая стала заниматься только этим, назвав ее «Аргентинская группа судебной антропологии» (*Equipo Argentino de Antropología Forense, EAAF*)⁶. Неоценимую помощь группе оказали «Бабушки» и некоторые судебно-медицинские эксперты, приехавшие в Аргентину в 1984 году, особенно Клайд Сноу, который постоянно учил нас и консультировал. Доктор Сноу стал, по сути, «небесным покровителем» группы, я думаю, что она во многом обязана ему самим своим существованием. Меня назначили ее первым директором, я смог завершить свою медицинскую карьеру, полностью посвятив себя применению методов судебной медицины в расследовании нарушений прав человека.

4 Jorge Luis Berra, Norberto Liwski, Diana Grinson and Morris Tidball-Binz, "A National Bank for Genetic Data of Disappeared Children in Argentina: Task Up to 2050", *Advances in Forensic Haemogenetics series*, 1986, доступно по адресу: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-642-73330-7_120.

5 См.: "Historia del BNDG", доступно по адресу: www.argentina.gob.ar/ciencia/bndg/historia.

6 См. официальный сайт EAAF, доступен по адресу: www.eaaf.org.

В 1990 году я переехал из Аргентины в Лондон, получив работу исследователя в генеральном секретариате организации «Международная амнистия». И хотя в этой должности мои познания в области судебной медицины не играли главной роли, они очень пригодились при изучении вещественных доказательств в рамках расследования случаев предполагаемых нарушений прав человека, при осмотре жертв пыток, посещениях мест содержания под стражей, определении порядка действий при расследовании безвестных исчезновений. Живя в Лондоне, я воспользовался возможностью продолжить изучение судебной медицины применительно к документированию нарушений прав человека и способствовал дальнейшему развитию этой деятельности⁷. Тогда же я участвовал в нескольких судебно-медицинских экспертизах в целях установления местонахождения пропавших без вести во время балканских войн⁸.

Вы были в числе самых первых судебно-медицинских экспертов, работавших в МККК. Как вы пришли к этому? Чем именно отличается судебно-медицинская работа в МККК в сравнении с другими организациями?

Первого судебно-медицинского эксперта МККК принял на работу в 2003 году. Им стал профессор Стивен Корднер из Австралии, для этого он ушел в академический отпуск с должности директора Института судебной медицины штата Виктория. Ему было поручено претворить в жизнь рекомендации Международной конференции 2003 года «Пропавшие без вести и их семьи» в части, относящейся к судебной медицине, и разработать проект предложений по развитию судебно-медицинской работы в МККК. С этой целью он несколько раз выезжал на места в Ирак и на Балканы и подготовил базу для развития в МККК дополнительных видов судебно-медицинской деятельности, после чего вернулся домой в Мельбурн к своей прежней работе. В то время я работал директором НПО «Международная правозащитная служба» со штаб-квартирой в Женеве. Хотя ее работа не связана с судебной медициной, мы помогли включить ее в деятельность правозащитных механизмов ООН, поскольку целью данной НПО было развитие международных правозащитных стандартов и механизмов и обучение активистов по всему миру тому, как их следует применять. Так получилось, что в 2002 году МККК пригласил меня на подготовительный семинар в преддверии конференции 2003 года, в которой я также затем принял участие. Осенью 2003 года профессор Корднер и доктор Робин Купленд, хирург МККК, принимавшие активное участие в конференции, пригласили меня на обед в МККК, где они, к моему величайшему изумлению, предложили

7 Например, см.: Duncan Forrest, Bernard Knight and Morris Tidball-Binz, “The Documentation of Torture”, in *A Glimpse of Hell: Reports on Torture Worldwide*, Cassell, London, 1996.

8 Morris Tidball-Binz, “Forensic Investigation of Alleged War Crime near Vukovar”, *The Lancet*, Vol. 341, 1993, p. 625.

мне работу координатора по вопросам судебной медицины. Я тогда еще спросил себя, зачем МККК мои знания в области судебной медицины? Но после некоторых сомнений я принял это любезное предложение и в феврале 2004 года я уже работал в организации. Думаю, что тогда я принял одно из самых правильных решений в моей жизни, хотя и повлекшее за собой необходимость преодоления некоторых трудностей.

Многое в моей работе в МККК разительно отличается от всего, что я делал до этого, работая в правозащитных организациях. В большинстве случаев результаты судебно-медицинских экспертиз служат в итоге надежным доказательством при расследовании уголовных дел и в последующих судебных разбирательствах. В том числе, например, при установлении причин и обстоятельств смерти в подозрительных случаях, документировании ранений, причиненных пытками, сексуальным насилием или другими формами физического насилия, и при сборе доказательств для привлечения виновных к ответственности. Однако в МККК судебная медицина в основном используется в гуманитарных целях, а не для установления уголовной ответственности. Это означает, например, использование судебно-медицинской науки для предотвращения и расследования случаев безвестного исчезновения, для надлежащего розыска и эксгумации останков в очень трудных условиях, для защиты достоинства погибших и помощи в опознании их останков, для сообщения родственникам об участии и местонахождении их скончавшихся близких. Все это требует специальных знаний и опыта, которые может предложить только судебная медицина, чтобы обеспечить такой уровень профессионализма, который требуется от гуманитарной деятельности МККК. Хотя сегодня это кажется очевидным, в 2004 году многие это еще не совсем понимали. Поэтому, когда я начал работать в МККК, одной из больших и трудных задач, причем требующей срочного решения, было доказать практическую пользу судебной медицины для работы МККК на местах. Уникальность ее применения в гуманитарной работе заключается в том, что она предлагает набор инструментов и знания, которые можно адаптировать к различным условиям. Они могут помочь в исключительно гуманитарной деятельности, где иногда без них просто не обойтись, в основном в работе с останками, но не обязательно. Работа с останками входит в мандат МККК, а вооруженные конфликты почти всегда приводят к гибели большого числа людей. Четыре Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним однозначно защищают человеческое достоинство погибших, поэтому требуют надлежащих эксгумации, документирования, опознания и погребения их останков. В этом нет ничего нового, одним из первых, кто осознал, что и у погибших есть права, был Анри Дюнан. Он боролся за то, чтобы принимались меры, которые способствовали бы обеспечению опознания умерших⁹. Сегодня признано,

9 В 1870 году во время франко-прусской войны Анри Дюнан посещал раненых, доставленных в Париж, и старался облегчить их страдания. Тогда же по его инициативе были введены опознавательные медальоны, позволяющие устанавливать личность умерших. См.: ICRC, "Henry Dunant (1828–1910)", доступно по адресу: www.icrc.org/eng/resources/documents/misc/57jnvq.htm (на английском языке).

что профессионально обеспечить соблюдение обязательств по отношению к умершим можно только с помощью судебной медицины.

И поэтому в самом начале своей работы в МККК я постарался показать ценность судебной медицины моим коллегам на местах; я ездил на Балканы, Кавказ, в другие регионы, где МККК сталкивался с множеством вызовов в своей работе по выяснению участи пропавших без вести. У меня было много вопросов относительно того, как можно улучшить работу с останками, и вскоре моим коллегам, особенно на местах, стало ясно, что судебная медицина действительно может принести пользу организации при работе с останками и розыске пропавших без вести. Теперь я уверен, что сегодня большинство в МККК и не только считает судебную медицину существенно необходимым инструментом гуманитарной деятельности как для умерших, так и для живых, поскольку она помогает найти ответы на вопросы, которые мучат семьи пропавших без вести и их окружение, и приносит им утешение. Кроме того, помогая людям исполнить свой долг по отношению к умершим, мы вновь подтверждаем свою собственную человечность. Не следует забывать и о том, что сегодняшние возможности МККК в области судебной медицины дают ему уникальные конкурентные преимущества при работе в ситуациях гуманитарных кризисов и решении проблем, оставленных нам в наследство конфликтами прошлого. В самом деле, сегодня МККК — единственная в мире гуманитарная организация, которая обладает судебно-медицинским потенциалом и использует его исключительно в гуманитарных целях, благодаря чему сегодня она считается авторитетной в гуманитарной судебно-медицинской деятельности.

Поэтому я уверен, что начатый в 2018 году новый проект по пропавшим без вести поможет ещё больше укрепить роль судебно-медицинских экспертов и сделать более весомым вклад судебной медицины в предотвращение безвестных исчезновений и розыск пропавших без вести. Действительно, этот проект предлагает новые уникальные возможности для развития опыта, накопленного с 2003 года. Его цель — мобилизовать профессиональные сообщества практиков по всему миру, в том числе специалистов и учреждений судебной медицины, и укрепить их позиции. Он также предусматривает разработку новых стандартов и руководящих документов для решения таких новых проблем, как безвестные исчезновения мигрантов, чтобы повсеместно и эффективно положить конец трагедии таких исчезновений.

Я также думаю, что МККК должен создать подразделение, которое будет заниматься судебной медициной непосредственно в интересах живых людей. Полагаю, что мы придем к этому, следуя сегодняшним требованиям и ожиданиям по отношению к гуманитарной деятельности. Например, эффективность работы в интересах людей, содержащихся под стражей, которые предположительно пострадали от жестокого обращения, должна повыситься, если в ней будет участвовать судебно-медицинский эксперт, который подтвердит обоснованность жалоб на жестокое обращение. Это не значит, что без подтверждения судебно-медицинского эксперта жалобы не следует воспринимать серьезно, но часто только он может предоставить

основанные на доказательствах доводы в пользу жертв. Медленно, но верно растет понимание того, что судебная медицина может помочь живым, в том числе при документировании следов пыток и сексуального насилия. В том, что касается последнего, я, например, помогал разрабатывать некоторые стандарты, которые МККК считает очень полезными. Один из примеров — проверка девственности. Мы много работали, чтобы опровергнуть научную и этическую обоснованность такой практики, которая в итоге может привести к жестокому, бесчеловечному и унижающему обращению с людьми¹⁰.

Подытоживая, скажу, что судебная медицина в гуманитарной деятельности является важным элементом работы МККК. Изначально для организации она была лишь научно-техническим инструментом, но постепенно стала восприниматься как необходимый компонент не только работы на местах, но и развития гуманитарного диалога и позиционирования организации в качестве лидера в этой области.

Для меня лично помощь в создании отдела судебной медицины МККК стала таким же важным и значительным достижением в профессиональной карьере, как и помощь в создании «Аргентинской группы судебно-медицинской антропологии». И этот отдел, и эта группа, несомненно, помогли расширить сферу применения судебно-медицинских знаний, впервые включив в нее соответственно гуманитарное и правозащитное измерения. Я чрезвычайно благодарен всем коллегам, с которыми мне довелось работать и которые помогли сделать это возможным. Не могу не упомянуть здесь и ту огромную поддержку, которую все эти годы мне оказывала моя семья, именно она позволяла мне посвящать этому общему делу необходимое время и энергию, выражая сочувствие и одобрение.

Развитие гуманитарного применения судебной медицины внесло несомненный вклад в понимание гуманитарным сообществом ценности судебной медицины для своей деятельности. Примечательно, что такое развитие событий также помогло судебно-медицинскому сообществу понять важность и ценность своего вклада в гуманитарную деятельность. Хорошим тому примером стал Гуманитарно-правозащитный ресурсный центр, учрежденный в 2015 году Американской академией судебной медицины.

Можно ли сказать, что за время вашей профессиональной деятельности судебная медицина в гуманитарной сфере изменилась коренным образом? Какие главные изменения она претерпела в научном плане?

Гуманитарная судебно-медицинская деятельность, определяемая как применение судебно-медицинской науки в гуманитарных целях, стала, по сути, новой областью судебной медицины, разработанной МККК. За эти годы

10 Independent Forensic Experts Group, “Statement on Virginity Testing”, *Journal of Forensic and Legal Medicine*, Vol. 33, 2015, доступно по адресу: www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1752928X15000335.

в нашей профессии произошли радикальные изменения, так как изначально судебная медицина считалась инструментом, прежде всего помогающим установить причины и обстоятельства смерти. Во многом благодаря МККК со временем появились концепция, знание и понимание необходимости в первую очередь обеспечивать уважение достоинства умерших и вести документацию, которая требуется для опознания и розыска, вне зависимости от того, установлена их личность или нет. В результате понимание этой области знания и практической деятельности стало иным: если раньше все или почти все внимание было сосредоточено на эксгумации тел умерших для выяснения того, как они умерли, то теперь в первую очередь думают о том, как обеспечить уважение к достоинству покойных, ведение профессиональной документации и предоставление родственникам ответов на их вопросы. Последнее требует не просто сообщать информацию, но и непосредственно участвовать в диалоге, а также удовлетворять психологические потребности людей, чьи родные пропали без вести или погибли¹¹.

Вам нередко доводилось участвовать в опознании останков лиц, пропавших без вести. В чем его особенности?

В отличие от стандартных уголовных расследований, расследования, направленные на установление участи пропавших без вести, как живых, так и умерших, могут помочь людям, испытывающим одно из самых мучительных состояний, которое только можно вынести: неведение о том, где находится близкий, любимый человек, что с ним случилось, жив он или нет. В случае смерти пропавшего без вести его останки можно определенно опознать только средствами судебной медицины, а именно это зачастую требуется скорбящим близким, чтобы оплакать его. Также важно от начала до конца уважать человеческое достоинство умерших, и судебная медицина здесь может оказаться незаменимой.

Другими словами, помощь судебной медицины в розыске пропавших без вести придало ей поистине уникальное гуманитарное значение. Кроме того, трудности, возникающие во время таких расследований, в том числе и в ходе комплексных масштабных эксгумаций и опознания останков, дают возможность дальнейшего развития судебной медицины на благо человечества.

Как вам удается в ходе такого рода работы думать в первую очередь об умерших и их родственниках?

Для ответа на этот вопрос необходимо взглянуть на него с нескольких точек зрения. С чисто практической точки зрения невозможно опознать тело или комплект останков, не имея сведений о нем. В большинстве случаев сами

11 Подробнее об этом см.: Pauline Boss, “Families of the missing: Psychosocial effects and therapeutic approaches”, *International Review of the Red Cross*, Vol. 99, No. 905, August 2017.

родственники становятся лучшим и нередко единственным источником таких сведений, которые мы называем «прижизненными данными». По этой причине нам, судебно-медицинским экспертам, разыскивающим пропавших без вести и пытающимся опознать останки, необходимо налаживать хорошие рабочие отношения с родственниками жертв и надо, чтобы родственники могли доверять людям, помогающим найти исчезнувших.

Но в гуманитарной деятельности это выходит далеко за рамки чисто прагматических соображений. Если мы занимаемся гуманитарной судебно-медицинской деятельностью, это значит не только то, что члены семьи помогают нам опознать тело, но и то, что они должны быть уверены: когда мы говорим, что тело принадлежит их близкому, это действительно так. Для этого необходимо развивать диалог, заслужить их доверие, вот почему судебно-медицинский эксперт не может в своей работе отстраняться от родственников. Постоянный контакт с ними — ключевой фактор успешной работы судебно-медицинских экспертов, а в гуманитарной деятельности он становится еще важнее. Для этого необходим высокий профессионализм и проявление эмпатии во время встреч и общения с потерявшими близких людьми. Проявлять эмпатию буквально означает поставить себя на место другого человека, чтобы лучше понять его чувства и мнения. Как врач я бы сказал, что это требует наладить почти терапевтические взаимоотношения с потерявшими близкого человека родственниками, чтобы они могли как можно более активно участвовать в его розыске и опознании, а также доверять полученным результатам, какими бы они ни были. Я надеюсь, что новый проект МККК по пропавшим без вести поможет разработать дополнительные руководства и стандарты, которые станут подспорьем при установлении диалога с родственниками погибших, а это станет самым полезным средством в решении гуманитарной составляющей задачи розыска и опознания пропавших без вести.

Где вам было труднее всего работать за все время вашей профессиональной деятельности?

Если говорить о трудностях, тяжелее всего было в самом начале моей работы, в Аргентине, когда еще оставались люди, которые были против расследований. Военный режим лишь незадолго до того лишился власти, и в некоторых слоях общества идея расследовать преступления, которые произошли при прежнем режиме, восторга не вызывала. Были и угрозы, порой довольно серьезные. В начале работы мы часто обсуждали с коллегами и друзьями, стоит ли нам вообще продолжать ее, потому что у меня была семья, а угрозы были достаточно серьезными, чтобы задаться таким вопросом. Мы были просто студентами, за нами не было никакой сети или организации, чтобы защитить нас. Но мне помогла последующая работа с «Бабушками». Они меня очень укрепили, потому что сами они годами получали угрозы и подвергались жестокому преследованиям. Это придало мне уверенности, ведь если они сумели всё выдержать и преодолеть свои трудности, значит, сможем и мы.

Но кроме этих общих трудностей на начальных этапах моей карьеры, я хотел бы указать на ряд конкретных проблем, с которыми сталкиваются все судебно-медицинские эксперты при осуществлении гуманитарной судебно-медицинской деятельности на местах. От необходимости руководить беспрецедентными операциями до реально угрожающих жизни ситуаций во время вооруженных конфликтов и беспорядков. В таких случаях встает вопрос, стоит ли при работе с останками умерших рисковать жизнью? Мои воспоминания, относящиеся к последней проблеме, тесно связаны с некоторыми моментами моей полевой работы в МККК.

Например, в 2011 году нам поручили помочь эксгумировать и опознать останки 35 мужчин, похищенных и убитых в Ливии в ходе бушевавшей там гражданской войны¹². МККК выполнил эту работу в рамадан, в критический момент гражданской войны при полной поддержке местного населения. Что интересно, местные жители говорили МККК, что эксгумация погибших для них важнее и неотложнее, чем любая иная помощь, которую мы им оказывали, включая медицинскую помощь раненым в боях. Надо сказать, вокруг повсюду раздавалась стрельба. В один прекрасный день нам даже пришлось бежать, так как появились сведения, что к нам движется множество хорошо вооруженных людей, которые хотят захватить эту местность и истребить всех, кто им попадется под руку. Мы всё бросили и вернулись только, когда выяснилось, что эти сведения неверны. Такие обстоятельства могут очень затруднить нам работу, потому что мы стараемся проводить судебно-медицинские экспертизы как можно более профессионально, а для этого нужно придерживаться определенных методологии, стандартов и графика. С другой стороны, необходимо максимально снижать риски, связанные с нашей деятельностью. Таким образом, надо как можно более точно соблюдать процедуры и стандарты и при этом постоянно помнить о родственниках жертв и в конечном счете о гуманитарных целях текущей работы. Нам удалось все сделать за пять дней, работая от рассвета до заката. Хотя в нормальных условиях для этого потребовалось бы втрое больше времени и вдвое больше специалистов. Я был очень рад, что мы смогли опознать останки 27 из 35 убитых, применив наши средства и процедуры, соответствующие как нашим собственным стандартам, так и общим требованиям Женевских конвенций к обращению с телами погибших на войне, порядка ведения документации и опознания. Нам удалось сделать то, чего от нас хотели местные жители: передать им тела пропавших без вести и опознать эти тела. Ситуации такого рода наглядно показывают, как приходится адаптировать судебно-медицинские процедуры и методы работы к очень жестким обстоятельствам, в которых часто оказываются сотрудники МККК.

12 См.: МККК, «Ливия: помощь в идентификации тел погибших», пресс-релиз, 14 сентября 2011 г., доступно по адресу: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/news-release/2011/libya-news-2011-09-14.htm>.

Однако бывают трудные ситуации другого рода, когда приходится испытывать мощное политическое давление. Вот яркий тому пример: в июле 2008 года к МККК обратились с просьбой помочь в обмене заключенными и останками между Израилем и Хезболлой в Ливане¹³. Двумя годами раньше, после того как два израильских военнослужащих были вывезены подразделением Хезболлы через границу и Израиль нанес ответный удар, там вспыхнула война. Переговоры о заключении соглашения об обмене содержавшимися под стражей и останками, проходившие под руководством главного переговорщика из нейтральной страны и с участием МККК в качестве нейтрального посредника, продолжались два года. Хезболла согласилась вернуть захваченных израильских солдат в обмен на ливанцев и палестинцев, которых удерживал Израиль, и останки погибших палестинцев. Однако оставалось непонятным, были ли еще живы те два израильских солдата. Этот вопрос приобрел особую важность не только для родственников и властей двух стран, но и для международного сообщества. Так получилось, что в то время я оказался в Ливане, где проводил судебно-медицинскую оценку в рамках своей работы в МККК в связи с проблемой пропавших без вести в стране, никак не связанную с этим обменом. Глава делегации МККК попросил меня как врача принять участие в осмотре израильских солдат. Если бы они были живы, я бы должен был провести медосмотр, подготовить документы о возможных ранениях и т. д. В случае их смерти я должен был бы провести необходимое опознание останков. Сначала задание мне показалось простым, однако, когда передо мной оказались два гроба, в которых, как мне сказали, находились тела этих израильских солдат, выяснилось, что дело будет очень деликатным и непростым. Главный переговорщик попросил опознать их и сказал, что израильская сторона больше не сделает ни единого шага, пока МККК не предъявит доказательств того, что останки принадлежат именно этим солдатам.

В тот день у меня при себе были лишь хирургические перчатки и простейшие инструменты для внешнего медосмотра, и вдруг оказалось, что вместо этого мне нужно провести полную судебно-медицинскую экспертизу останков людей, о которых у меня не было никаких прижизненных данных. Давление было сильное, а напряженность, вероятно, возросла бы, если бы оказалось, что возвращаемые останки принадлежат не им. Во-первых, я сказал, что сделаю все, что в моих силах, поскольку другого выхода у меня просто не было. Во-вторых, я поставил определенные условия: при опознании не должно быть никаких журналистов, потому что оно должно быть проведено в условиях конфиденциальности, чтобы не пострадало человеческое достоинство покойных. Я попросил удалиться всех, кроме главного переговорщика и коллег из МККК, которые помогали мне. После небольшой дискуссии для меня нашли сарай, где я мог без посторон-

13 См.: Ayat Basma and Avida Landau, "Hezbollah Delivers Remains of Two Israeli Soldiers", *Reuters*, 16 July 2008, доступно по адресу: www.reuters.com/article/us-israel-lebanon-prisoners-idUSL141960220080716. См. также: Anna Petrig, "The War Dead and Their Gravesites", *International Review of the Red Cross*, Vol. 91, No. 874, 2009.

них вскрыть оба гроба. Время поджимало: по ту сторону границы ждали обмена заключенные и грузовики с останками, а военные ждали приказа.

Единственное, о чем я попросил, были прижизненные данные, мне нужна была информация физического характера, в том числе о зубах, чтобы установить, действительно ли останки принадлежали тем израильским солдатам. В последнюю минуту мне передали рентгеновские снимки их зубов. Я вскрыл гробы, понимая, что по религиозным соображениям я не должен был нарушать целостность останков, следовательно, выбор методов экспертизы был ограничен необходимостью уважать достоинство покойных. Я быстро осмотрел останки жертв и в результате смог подтвердить их личность, потому что отпечатки их зубов полностью соответствовали стоматологическим картам, предоставленным израильской стороной. Я смог на месте написать краткие отчеты, в которых подтвердил, что останки принадлежат указанным людям. Все вздохнули с облегчением. Часа через четыре я получил самое лестное за всю мою жизнь признание своего профессионализма, когда главный переговорщик выразил свое удовлетворение тем, что судебно-медицинскому эксперту МККК удалось за сорок пять минут сделать то, на что полноценной бригаде судебно-медицинских экспертов требуется четыре с половиной часа. Как вы догадываетесь, это опознание и связанные с ним проблемы дались мне очень нелегко. Никакой угрозы физической безопасности не было, но если бы что-то пошло не так, негативные последствия были бы очень серьезными.

Другие проблемы связаны с природными условиями. В 2007 году делегация МККК в Боготе попросила меня помочь эксгумировать останки 11 депутатов. В 2002 году их похитила главная повстанческая группировка, а несколько месяцев спустя они погибли при спорных обстоятельствах¹⁴. Повстанцы говорили, что депутаты были убиты при неудачной попытке правительственных сил их освободить, а правительство прямо обвиняло повстанцев в том, что они депутатов казнили. Родственники требовали вернуть останки близких. Обе стороны договорились о прекращении огня на несколько дней, чтобы МККК мог эксгумировать останки. Это стало результатом долгих и, надо сказать, очень трудных переговоров между двумя сторонами. Мы должны были вылететь на вертолете в место, расположенное среди джунглей, с тем условием, что координаты местонахождения тел нам сообщат в полете. В результате мы приземлились среди плантации коки, и нам почти неделю пришлось выживать в джунглях, хотя сначала думали, что вся операция займет день-два. Неожиданно выяснилось, что переданные повстанцами координаты GPS не совпадают с данными наших датчиков GPS. Такое иногда случается. Мы пользовались разными системами, и в результате нам несколько дней пришлось идти через джунгли, на расстояние десятков километров по заминированной труднопроходимой местности, чтобы попытаться найти место захоронения, а ситуация тем вре-

14 “11 bodies handed over in Colombia probe”, *Reuters*, 9 September 2007, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/yabda5py>.

менем становилась всё более напряженной. Правительство стало обвинять повстанцев во лжи, повстанцы отвергали это обвинение и уверяли нас, что тела находятся там, где они указали. По ночам мы несколько раз слышали взрывы, что говорило о том, насколько хрупким было соглашение о прекращении огня. Но главное, что эта миссия оказалась очень изматывающей физически, требующей отдачи всех сил, потому что нам пришлось вслепую пробираться через глухой тропический дождевой лес в поисках места захоронения. В конце концов нам удалось найти останки с помощью технологий, которые используются в судебно-медицинской археологии. Найдя место захоронения, мы должны были надлежащим образом эксгумировать останки, задокументировать их и безопасно вывезти из джунглей. Однако транспортировка останков с места эксгумации оказалась чрезвычайно трудной задачей. Мы просто физически не могли перенести тела через густые джунгли и глубокие овраги на место первого приземления, откуда мы пришли. В итоге в лесной чаще нам пришлось оборудовать импровизированную посадочную площадку для вертолета, для чего нам пришлось рубить пятнадцатиметровые деревья. Пока я занимался эксгумацией, мои коллеги готовили посадочную площадку размером немного больше баскетбольной. Обратный полет оказался весьма интересным.

Более свежий пример — осуществление Плана гуманитарного проекта (ППП) на Фолклендских/Мальвинских островах, что во многом оказалось чрезвычайно трудной задачей, в том числе и потому, что МККК никогда раньше не участвовал в подобной деятельности. Обычно МККК лишь помогает проводить судебно-медицинские экспертизы уже существующим учреждениям, поэтому планирование и осуществление такой масштабной, комплексной и трудной гуманитарной операции в области судебной медицины полностью своими силами не имело никаких прецедентов. Но несмотря на удаленность островов и экстремальные погодные условия, нам удалось на месте, то есть на кладбище, успешно оборудовать морг по последнему слову техники. Затем мы запустили в работу необходимое компьютерное оборудование и средства связи, после чего приступили к опознанию, соблюдая предусмотренные протоколы. Согласно им, все эксгумированные останки должны быть изучены, взяты необходимые образцы, составлены доклады, а сами останки перезахоронены в день эксгумации в новых гробах, при этом обращаться с ними надлежит с величайшим уважением. А после окончания работ мы позаботились о том, чтобы вернуть кладбище в его первоначальное состояние. Лично для меня руководить большой командой квалифицированных судебно-медицинских экспертов и обеспечивать, чтобы все делалось четко, слаженно и согласно установленным стандартам, было непросто, но это был очень ценный опыт. Учтите, что в таких условиях мы все работали без выходных, целыми днями, до поздней ночи почти три месяца. Мне посчастливилось работать с великолепной командой преданных делу, трудолюбивых и очень опытных судебно-медицинских экспертов, которые так же любили эту работу, как и я сам. Под конец мы действительно чувствовали себя одной дружной семьей.

Эта судебно-медицинская операция потребовала не только поддержки местных жителей (без которой она была бы просто невозможной), но и напряженной работы, и долгосрочного содействия многих коллег из женевской штаб-квартиры МККК, наших делегаций в Лондоне и Бразилиа, где все то время, что продолжалась операция, также ощущался прилив адреналина. Я считаю, нам сильно повезло, что мы завершили этот проект, как планировалось, учитывая те, казалось бы, непреодолимые препятствия, с которыми мы столкнулись в начале. В результате все прошло просто замечательно, но важнее всего то, что мы смогли опознать останки, проинформировать родственников погибших и выполнить такую гуманитарную задачу, что сам Анри Дюнан гордился бы, окажись он на нашем месте.

Расскажите подробнее о работе на Фолклендских/Мальвинских островах. Как МККК получил мандат на работу в этом месте?

Общий мандат на эту работу МККК получил в 2012 году по запросу аргентинского правительства. Оно просило нас помочь опознать останки аргентинских солдат, похороненных на островах в безымянных могилах, поскольку, когда их хоронили, опознать их было невозможно. Они погибли в 1982 году во время конфликта между Аргентиной и Великобританией и были затем похоронены на военном кладбище в Дарвине. Несмотря на предпринятые тогда усилия вооруженных сил Великобритании опознать всех погибших, личность многих из них так и не была установлена. Мандат был предоставлен МККК по двум причинам. Во-первых, родственники погибших хотели, чтобы их близкие были опознаны и чтобы точно было известно, в каких могилах они похоронены. Во-вторых, положения Женевских конвенций требуют от сторон в конфликте прилагать все усилия для опознания погибших на войне¹⁵.

Важно, что и запрос, и мандат стали для МККК признанием его судебно-медицинского потенциала, без которого предоставить такой мандат было бы невозможно. По сути, это был один из первых случаев, когда новый судебно-медицинский потенциал МККК был признан непосредственно правительствами. Говоря в подобной ситуации о «мандате», мы имеем в виду юридически обязывающий документ. Как говорится, танго танцуют вдвоем, а в нашем случае речь шла о двух странах: Аргентине и Великобритании. Для выработки официального мандата, то есть ПГП, потребовалось пять лет переговоров между ними и МККК. В итоге он был подписан обеими странами и МККК в декабре 2016 года. В мандате четко прописано, что эта работа должна осуществляться строго в гуманитарных целях и, в соответствии с разработанным МККК планом действий, завер-

15 Примечание редактора: Эти требования содержатся в статьях 15–17 Женевской конвенции I (ЖК I), статьях 32 и 34 Дополнительного протокола I (ДП I), а также в статье 8 Дополнительного протокола II (ДП II), касающихся розыска и сбора останков.

шена до конца 2017 года. Мне было поручено разработать этот план действий по извлечению и установлению принадлежности останков методами судебной медицины. Таким образом, можно сказать, что источниками мандата стали обращение родственников, международное гуманитарное право (МГП), соглашения между странами, а также признание и понимание всеми заинтересованными сторонами того обстоятельства, что только МККК может справиться с подобной работой. На самом деле ни одна другая организация не имела такого потенциала, в том числе и в том, что касается ее нейтральности, независимости и беспристрастности. Даже несмотря на то, что конфликт уже давно завершился, а обе страны живут в мире друг с другом и полностью восстановили дипломатические отношения, решение этой задачи остается деликатным вопросом, так как вся работа должна носить абсолютно нейтральный характер, что может обеспечить только МККК.

Каковы результаты ПГП? Получили ли родственники ответы на свои вопросы? Что это будет значить для них?

Согласно графику ПГП с января по декабрь 2017 года мы нашли, эксгумировали и тщательно изучили тела 122 аргентинских военнослужащих, похороненных в безымянных могилах в Дарвине. Всего с аргентинской стороны пропало без вести 148 военнослужащих, а, значит, тела некоторых пропавших без вести так и не были найдены и не были похоронены на том кладбище. Нам удалось задокументировать все останки согласно требованиям наших протоколов и перезахоронить их с уважением их человеческого достоинства, в соответствии с планом и мандатом ПГП, то есть в день эксгумации. Мы также собрали все профили ДНК по каждому комплекту останков, экспертизу которых мы провели. Следовательно, каждое из тел можно будет опознать, если удастся получить все необходимые прижизненные данные и контрольные образцы ДНК соответствующих родственников. Это важная оговорка, поскольку не все родственники вовремя откликнулись на предложение предоставить необходимую информацию и образцы, требуемые для опознания всех останков.

К концу осуществления ПГП родственники 107 военнослужащих предоставили необходимые прижизненные данные и контрольные биологические образцы для анализа ДНК. Нам удалось однозначно опознать 88 тел и передать соответствующие отчеты их родственникам, согласно графику ПГП. Кроме того, мы сообщили родственникам 10 военнослужащих, что не нашли останков их близких среди 122 останков, которые мы изучили, а значит, они не были похоронены на том кладбище. МККК также составил отчеты, включая профили ДНК, по всем останкам, которые остались неопознанными, и аргентинские власти смогут опознать их позже, когда родственники предоставят необходимые прижизненные данные и контрольные образцы. Это касается и родственников, которые предоставили недостаточно образцов ДНК, чтобы точность опознания соответствовала показателю, предусмотренному ПГП: минимум 99,95%.

После передачи докладов двум странам и родственникам некоторые семьи пропавших без вести смогли еще раз убедиться в серьезности и профессиональности всего процесса и в том, что их время и усилия были потрачены не зря. Сейчас новые родственники обращаются с просьбой об опознании, а с начала 2018 года проводятся новые опознания на основании информации и образцов, которые они предоставляют. Я жду и надеюсь, что в будущем будут опознаны большинство, если не все из изученных нами останков.

Также в ходе судебно-медицинской экспертизы останков мы нашли небольшое количество личных вещей. Я этого не ожидал, мне пришлось решать на месте, что с ними делать, потому что в ППП не было положений, позволяющих забирать личные вещи погибших. Мы находили предметы, которые не ожидали найти, такие как удостоверения личности и предметы очень личного характера, например, обручальное кольцо. До этого британцы, собравшие тела, уверяли нас, что все личные вещи были переданы Аргентине. Однако они неизбежно не заметили некоторые из них, скрытые в тяжелой зимней одежде, которую носили солдаты. Но наше тщательное исследование останков, в том числе и с применением новейшего оборудования для визуализации, позволило нам обнаружить их. На долгие консультации со штаб-квартирой МККК о том, что с ними делать, просто не было времени, потому что тела нужно было перезахоронить в день эксгумации в тех же могилах. Поэтому я принял решение на основании Женевских конвенций (а они содержат очень четкие нормы на этот счет) сохранить личные вещи и передать их сторонам¹⁶. Позднее наши юристы полностью одобрили это решение. МПП устанавливает обязанность возвращать личные вещи соответствующим семьям.

Я с радостью отмечаю, что все родственники были в высшей степени удовлетворены результатами, которые им сообщил МККК; даже те, кто не получил доклада об опознании, были очень благодарны за работу, проделанную ради их близких. Изначально я немного сомневался, что результаты удовлетворят всех, думая, что некоторые их оспорят, но, к счастью, я оказался неправ.

Например, глава одной из комиссий родственников сначала очень критиковала весь проект и решительно отказывала МККК в доверии. Однако ее мать захотела участвовать в нем, она сделала запрос в МККК об опознании ее сына, который, как думали, был похоронен в Дарвине, и предоставила необходимые сведения и контрольные образцы. Изучив останки, мы опознали тело ее сына и сообщили об этом родственникам, они также получили его личные вещи, которые мы обнаружили вместе с останками. Родственники были очень нам благодарны. Надо сказать, что дочь публично принесла извинения за то, что она говорила раньше, и призвала все остальные семьи предоставить информацию и сдать контроль-

16 Примечание редактора: см. статью 16 ЖК I; статью 19 ЖК II, статью 122 ЖК III, статью 139 ЖК IV, статью 34(2)(с) ДП I.

ные образцы, чтобы помочь опознать останки погибших, похороненных в Дарвине.

В итоге от всех участвовавших в этом процессе родственников мы получили только самые положительные отзывы. 26 марта 2018 года на дарвинском кладбище прошла церемония, во время которой родственники смогли почтить память своих погибших близких и возложить венки на их могилы. Я думаю, что, с одной стороны, те сильные чувства, которые вызвала эта церемония, и проявленное великодушие подтверждают важность поминовения умерших и его необходимость с гуманитарной точки зрения, а с другой, необходимость для родственников точно знать, где их близкие похоронены. Они 35 лет ждали и боролись, чтобы этот момент наступил.

На ваш взгляд, какие важные уроки на будущее можно извлечь из работы в Дарвине?

Во-первых, эта работа подтвердила, что МККК располагает возможностями проводить очень сложные эксгумации и опознание в непростых условиях. Сначала были большие сомнения относительно того, сможем ли и должны ли мы заниматься этой необычной для нас работой в режиме, который мы называем «полным замещением», когда речь идет о судебной медицине. Это значит, что мы берем на себя ответственность за весь процесс, включая и доклады об опознании. Эта операция подтвердила, что МККК располагает нужными знаниями и опытом, стандартами, протоколами и формами, а также сетью экспертов, которых можно нанимать в помощь сотрудникам, если это требуется для таких сложных операций. Важно и то, что наша работа подтвердила: сегодня судебная медицина стала незаменимым инструментом в комплексной гуманитарной работе.

Кроме того, мы многому научились в области судебной медицины, включая подходы к опознанию, в частности, поняли ценность «интегрированного подхода», как мы его называем. Он означает включение в процесс опознания всей имеющейся информации, в том числе о месте смерти, доступные прижизненные данные и результаты анализа ДНК. Это понятие разработали судебно-медицинские службы МККК и Консультативный совет МККК в области судебной медицины¹⁷. Например, не все понимали, почему в целях опознания я запрашиваю информацию о месте гибели военнослужащих. Они думали, что нам следует довольствоваться только анализом ДНК. При этом сведения о месте смерти военнослужащих оказались очень полезными, так как британцы точно задокументировали, где были

17 Консультативный совет МККК в области судебной медицины был учрежден в 2010 году; он консультирует организацию по сложным вопросам в области судебной медицины, которые возникают в ходе гуманитарной деятельности. Он состоит из почти тридцати авторитетных судебно-медицинских экспертов со всего мира, специализирующихся на нескольких дисциплинах и работающих на добровольной основе.

найлены тела. И когда эти данные совпадали с предполагаемым местом смерти военнослужащего, они очень помогали сузить круг поиска тех, кому могли принадлежать останки. Дело в том, что с точки зрения судебной медицины анализ ДНК не всегда дает точные ответы, и зачастую требуются дополнительные данные, чтобы результаты опознания можно было считать достаточно определенными. Предоставленные родственниками прижизненные данные были очень полезны для нас; иногда они помогали подтвердить итоги опознания, но часто этих данных не хватало для его завершения. Упомянутый интегрированный подход к опознанию оказался незаменимым в нашем случае. Разработка для МККК новой и последующих версий базы прижизненных и посмертных данных преподала нам несколько важных уроков, в том числе мы поняли, как в режиме реального времени добиться успешного ввода и обработки информации силами многочисленных судебно-медицинских экспертов, работающих совместно. Этот опыт уже помог нам задуматься, какой должна быть новая база данных, которую мы уже стали создавать.

С точки зрения оперативной деятельности МККК наша работа перевернула стандартную модель работы на местах. Обычно ее ведут делегации, консультируясь со штаб-квартирой. Вместо этого в нашем случае была напрямую задействована бригада сотрудников штаб-квартиры, а ей оказывали поддержку причастные к этой работе делегации, и при этом все участники процесса вносили в него свой действенный вклад.

Лично для меня эта операция в первую очередь еще раз подтвердила, что погибшие очень важны для своих родственников, своих сообществ и своих стран. Как уже упоминалось, обе эти страны живут в мире друг с другом, полностью восстановили дипломатические отношения, но этот вопрос все еще остается спорным. Мы можем и не ставить такой цели, но похороны погибших служат главным шагом в установлении доверия между народами.

Судьба пропавших без вести — одно из главных соображений, которыми руководствуется МККК, и самое главное для меня. Можно, конечно, утверждать, что неизвестные солдаты в данном случае не были «пропавшими без вести» в полном смысле этого слова, потому что их родственники знали, что они похоронены на Фолклендских/Мальвинских островах в месте, специально предназначенном для погребения. Но они хотели знать больше, им нужно было точно знать, в какой могиле они похоронены, и особенно они просили вернуть погибшим близким их имена. Этот случай еще раз доказал, что всем людям глубоко присуща необходимость знать о судьбе своих близких и иметь возможность возложить траурный венок на могилу. И не случайно именно этого требуют и нормы МПП.

Кстати, этот случай подтверждает и непреходящее значение Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним, без которых погибших не подобрали бы и не похоронили бы с честью, а МПП так и не был бы осуществлен. Точные требования МПП в отношении погибших также сыграли важную руководящую роль в нашей судебно-медицинской работе, примером чему служит возвращение личных вещей.

В заключение скажите, что должен знать средний человек о роли судебной медицины в гуманитарной деятельности?

Я вспоминаю строчку поэта Уистона Хью Одена: «Искусство позволяет нам преломить хлеб с мертвыми, а без общения с мертвыми подлинно человеческая жизнь невозможна». Если заменить «искусство» на «науку», а «человеческую жизнь» — на «гуманитарную деятельность», то получится: «Наука позволяет нам преломить хлеб с мертвыми, а без общения с мертвыми подлинно гуманитарная деятельность невозможна», и эти слова помогают лучше осознать, что может сделать судебная медицина для гуманитарной деятельности. Опять-таки эта деятельность нужна не только мертвым, но и живым, потому что мы неразрывно связаны с мертвыми, и когда мы работаем для мертвых, мы работаем и для живых. Самый понятный пример — родственники, но речь идет о чем-то гораздо большем: здесь мы затрагиваем самую суть человеческой природы.

Поэтому я надеюсь, что новый проект МККК по пропавшим без вести, начатый в 2018 году, поможет разработать новые правила и стандарты для профилактики этого явления и выяснения участи пропавших без вести. Он будет развивать многообразный опыт, накопленный в ходе гуманитарной деятельности в области судебной медицины, в том числе и в ходе прошлогоднего ПГП. Это поможет точно установить права погибших, определить местонахождение пропавших без вести и защитить права их родственников.